

В.Б. МАЛЫШЕВ

**АРХИТЕКТОНИКА ПОНЯТИЯ ПРИРОДЫ
В СВЕТЕ ИДЕЙ НОВЕЙШЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Новоевропейская мысль приоткрывает тщетность претензий «фрагментарного» европейского сознания на постижение природы во всей широте этого понятия. Необходимо методологически расширить методологию исследования этого понятия, пытаясь говорить на языке символов. Для понимания природы в контексте изначальной ситуации мышления в настоящей статье подробно проанализирована историческая семантика слов, близких античному φύσις.

Ключевые слова: природа, φύσις, бытие, архитектоника, историческая семантика.

Малышев Владислав Борисович - заведующий кафедрой философии, Самарский государственный технический университет. E-mail: vlmaly@yandex.ru

V.B. MALYSHEV

**ARCHITECTONICS OF THE CONCEPT OF NATURE
IN THE LIGHT OF RECENT IDEAS OF EUROPEAN PHILOSOPHY**

The new European thought reveals the futility of claims of “fragmented” European consciousness to understanding the concept of nature. It is methodologically necessary to extend the research methodology of this concept, trying to speak the language of symbols. In this article the nature concept in the situation of the original thinking is analyzed in the context of historical semantics of the words that are close to the ancient φύσις.

Keywords: nature, φύσις, being, architectonics, historical semantics.

Malyshev Vladislav Borisovich - chief at the Department of Philosophy, Samara State Technical University. E-mail: vlmaly@yandex.ru

В настоящее время в атмосфере глобального экологического кризиса актуальным представляется исследование понятия природы. Это то измерение бытия, которое, в принципе, вне-человечно и за-предельно. В архаическое время природа понималась совершенно иначе, чем в современности. Понятие природы интерпретировалось на языке символов. Главный символ здесь – античное «φύσις» – природное бытие и исток культуры. Это та природа, которую не надо моделировать, описывать в терминологии общей теории систем или синергетики. Нужно отказаться от привычки привязывать цикличность природных явлений к искусственному ритму машинной цивилизации. Необходимо осознать всю многослойную архитектонику понятия природы в культурно-историческом контексте.

От Платона и Аристотеля до Мартина Хайдеггера философское понимание природы претерпевает значительную трансформацию.

Раскрывая положения онтологии новейшего времени, можно выявить исторические вехи метафизического опосредования первичной реальности. Круг задач настоящего исследования может быть

очерчен вокруг такой цели, как выявление архитектурных элементов подобного опосредования. Сначала может быть найдено начало, выражающее синкретизм, изначальную цельность мировосприятия – природа в изначальном смысле, φύσις. Затем возникает вопрос о Новом времени как «времени картины мира». Эта эпоха означает, что мир *пред-*ставлен через «образ» или «картину» (нем. Bild). Происходит набрасывание антропоморфного образа на сущее. Человек опосредовал мир через собственный образ, проецируя его на сущее. Расщепление мировосприятия выражается по-разному в новоевропейской метафизике. Смысл этого процесса прост – уход от природного бытия, опосредование изначального мышления исторически обусловленными способами репрезентации. Всё, что у нас остаётся, – это природа как «просветляющая середина» бытия, осознать которую напрямую всё сложнее. Именно в этой области понятия «культура» и «природа» пересекаются.

Можно согласиться с мнением Т.В. Борисовой, что содержание архитектурной природы определяется исторически понятой динамикой соотношения «природы» и «культуры» [1, с. 74].

Относясь с некоторым пиететом к философии Платона и Аристотеля, Хайдеггер, тем не менее, отказывается от их позиции – видеть бытие как наиболее существенное в сущем. Немецкий мыслитель запрещает вести разговор о бытии, о природе в изначальном смысле, применяя признаки сущего. Природа не может не обладать самобытием хотя бы уже в своём понятии: природа есть то, что возникло и есть само по себе. На наш взгляд, хайдеггера мысль приоткрывает тщетность претензий «фрагментарного» европейского сознания на постижение бытия в его единстве и постоянстве. Постигнуть большее через меньшее? Это значит вовсе не то, что мы не можем постигнуть целое через его части. Дело в способе постижения. И этот способ пограничен, трансцендентален. Говоря же на языке нашего исследования, он метапозиционален. Философ предпринимает обходной шаг. Для интерпретации сущего в контексте изначальной ситуации мышления в качестве более продуктивного онтологического синонима М. Хайдеггер широко применяет слова, входящие в корневой спектр φύσις. По М. Хайдеггеру, φύσις и ζωή, более широкие по смыслу синонимы современных Природа и Жизнь, являются основными словами в речи изначальных мыслителей. Φύσις понимается, прежде всего, как особого рода «всегда совершающееся восхождение». Это «чистое восхождение», которое есть «схождение» в смысле своей продуктивности, можно «подсмотреть» в восходящем солнце, в распускающемся цветке, в прорастании зерна, в устремляющемся вверх растении, росте его побегов. Φύσις – то, в чём «изначально всходит земля и небо, море и горы, дерево и животное, человек и бог» [8, с. 117].

Рассмотрим другой текст М. Хайдеггера «Исток художественного творения», в котором понимание φύσις выражено несколько иначе. «Дерево и трава, орёл и бык, змея и цикада – все они сначала входят в свой, отличный от других, художественный облик и тогда являются на свет тем, что они суть. Такой выход наружу, такое распускание-расцветание как таковое и всё это в целом греки называли φύσις» [7, с. 75].

Является ли понимание φύσις у М. Хайдеггера аутентичным традиционному пониманию термина? Согласно словарю Вейсмана, в термине φύσις существует некий синкретический набор значений («природа», «натура», «характер», «творение») [2, с. 1331]. Ещё большим спектром значений обладает корневая основа φύω – «рождать», «производить», «творить», «де-

лать», «вырастать», «расти» (о растениях) [2, с. 1332]. Однако, самое важное, что φύω тождественно общеиндоевропейскому «быть» [2, с. 1332] и, в том числе, славянскому «бу», «быть», «буду». На наш взгляд, в античных понятиях φύσις, φύω соединились в синкретическом единстве, вершиной которого является «быть», три архитектонических среза, три аспекта.

Первый аспект или «срез» исторического понимания описывается «растительной» метафорой. Это аспект генезиса, происхождения, родства со всем сущим. Это смысл роста, расцвета, «акме». Второй, оптический, появляется несколько позже, φύσις в смысле «эйдоса», «выгляденья», «вида». Третий аспект, динамически-силовой, φύσις как «дионамис» – «потенция», «сила», «мощь» [6]. Два последних аспекта соответствуют латинскому «virtus», вначале персонификации мужественности в римской мифологии, которое постепенно обрело значения «благородство», «доблесть», «добродетель», «энергия», «потенция», «сила». В таком смысле, например, термин употреблял Н. Кузанский [5]. «Растительная» семантика в римском natura также утрачивается. Природа вне генезиса начинает пониматься как «машина». Современная виртуальная реальность есть нечто «порождённое», тогда как античное φύσις есть процесс синкретического «порождения». Хотя, конечно, же, в европейской культуре семантика роста остаётся в отдельных областях. Вспомним, например, Я.А. Коменского, великого дидакта и воспитателя, чьи труды являются истоком современной педагогики. Я.А. Коменский любил повторять, что «человек есть дерево» и возможности в нём заложенные надо выращивать постепенно. «Природа есть первое и основное наше состояние, в которое нужно ещё призвать нас, как к первоначалу» [4, с. 271].

Ж. Делез не совсем прав, говоря о «засилье в европейской культуре древовидных структур» [3]. Их просто не было в истории европейской культуры. Можно согласиться с М. Хайдеггером, что европейская картина мира «подвешена», она не вырастает из самого бытия, она не есть φύσις.

В связи со всем сказанным можно понять, что М. Хайдеггер добавляет к основным смыслам φύσις «орбитальное» движение некоего светила, которое никогда не заходит. В частности, для интерпретации указанного греческого слова он употребляет термин *Aufgehen* [8], одним из значений которого является «взлетать», «вспархивать».

Однако указанные фрагменты М. Хайдеггера связаны не с интерпретацией тезисов Гераклита, а с проблематикой художественного творения и с понятием «земли».

«Мир» и «земля» – главные структурные элементы архитектоники природного бытия по М. Хайдеггеру. Понятие мира как запредельного «свода» бытия, в котором изначально подвешены элементы нашего восприятия, словно икона или витраж, очень значимо для хайдеггеровой мысли. Мир М. Хайдеггер понимает не в метафизическом смысле. Он не является ни «универсумом», ни единством вещей. Скорее он средокрестие. Бытие, с которым мы имеем дело, это всегда бытие-в-мире. Особенно наглядно понятие мира разобрано в работах «Бытие и время», «Исток художественного творения». Мир является первым важнейшим аспектом процесса творения. Мир не предметен, он есть то бытийно непредметное, чему мы подвержены, доколе круговращение сущего заталкивает нас внутрь мира. В онтологическом смысле это априорное условие нашего бытия. Мир – историческое бытие. Мир не существует для камня или для растения, но может существовать для крестьянки, ремесленника, учёного. Эти люди благодаря мирности мира находятся «в разверстых просторах сущего». «Мир», скорее, «зиждется», чем «представляется», он есть «здание», а не «оптика». И это здание зиждется, основывается на земле.

Помимо понятий мира и мирности, необходимых для истолкования проблемы бытия, поздний М. Хайдеггер вводит понятие «земля», в качестве оппозиции к слову «мир». М. Хайдеггер заявляет о том, что большое заблуждение считать землю лишь «веществом». Когда мы говорим о земле, как о веществе, мы проявляем стиль мышления технической цивилизации, которая всё хотела бы «исчислить». Машинно-техническая цивилизация не в силах «вынудить» у земли её творческую сущность. Когда «римское мышление» пыталось перенять смысл изначальных древнегреческих категорий, то у него

не было равнозначного опыта и оно оказалось в этом смысле беспочвенным. Таковы слова «субстанция» и «субъект», греческие эквиваленты которых отсылают к природной естественности [7, с. 57]. Отвечая современному человеку на его необоснованные притязания, культ потребления, испытывая истощение своих ресурсов, «земля такова, что всякую настойчивость исчисления она обращает в разрушение» [7, с. 79]. Земля – это принцип «затворяющей замкнутости», который позволяет поддерживать любое творение в состоянии собранности, составленности. Любая вещественность, выйдя из земли, всё равно вернётся к ней в творческом состоянии. Земля – то, «внутри чего себя ставит творение» [7, с. 79]. Мир открывает истину бытия, земля скрывает её и поддерживает. Мир и земля сущностно различны, но выступают в их взаимодействии. Мир и земля – два принципа бытия, поддерживающие друг друга. «Мир основывает себя на земле, а земля пронизывает мир своим вздыманием в нём» [7, с. 81].

Таким образом, «мир» и «земля» являются двумя важнейшими аспектами творения понятия природы в новых условиях.

Список литературы

1. Борисова Т.В. Цивилизационные основания гламура: опыт философской рефлексии // Вестник самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Философия. – № 5(96). – 2012.
2. Греческо-русский словарь / Сост. А.Д. Вейсман. – 5-е изд. – СПб., 1899.
3. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения // Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2010. – 895 с.
4. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / Я.А. Коменский. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – 656 с.
5. Кузанский Н. Соч. в 2 т. Т. 1. Философское наследие. – М.: Мысль, 1979. – 488 с.
6. Природа [электронный ресурс]. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/2440.html>.
7. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. – М.: Гнозис, 1993. – 464 с.
8. Хайдеггер М. Гераклит. Начало западного мышления / М. Хайдеггер. – СПб.: Владимир Даль, 2011. – 503 с.